

С.Г. РЫЖОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ X-XIII вв. В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

В XIX в. исследования Северного района Херсонеса были связаны, в основном, с раскопками храмов. В 1853 г. граф А.С. Уваров раскопал базилику, впоследствии названную его именем. Продолживший его раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1893 г. открыл так называемую Северную базилику и Шестистолпный храм, расположенные недалеко от Уваровской базилики. Перечисленные выше памятники стали ключевыми при последующем изучении средневековых храмов древнего города для целого ряда исследователей [1; 2; 3; 4; 5, с. 33; 6, с. 83]. Но во всех этих работах храмы существуют как бы вне связи с городской жилой застройкой, хотя в действительности они были неотделимы от нее, образуя единый архитектурный ансамбль.

Настоящая работа не ставит своей целью решить эту задачу, поскольку рассматриваемая жилая застройка данного участка относится к более позднему времени – XI-XIII вв., когда сами храмы уже погибли, а на их месте существовали небольшие часовни. Что же касается застройки V-X вв., то о ней можно сказать только то, что храмы почти вплотную примыкали к жилым домам, имея небольшие площади перед входом. Говорить о том, какими были дома этого периода, не представляется возможным, поскольку они были разрушены при строительстве на их месте жилых усадеб позднесредневекового времени. Этой проблеме и посвящена данная работа.

Вопросами жилой застройки Херсонеса позднесредневекового периода занимались Г.Д. Белов, А.Л. Якобсон, С.Ф. Стржелецкий, А.И. Романчук, К.Э. Гриневич и В.Н. Даниленко [7, с. 219-252; 8, с. 47-100; 9, с. 60-67; 10; 11, с. 32-105; 12, с. 109-159; 13, с. 160-230; 14]. В ходе исследований было установлено, что градостроительная сетка, заложенная еще в IV в. до н.э., сохранилась в отдельных кварталах, за небольшим исключением, и в средние века. Изменения происходили в результате объединения двух античных кварталов в один, за счет застройки поперечных улиц. Что же касается тех кварталов, которые не изменили своих размеров, то в них, как правило, находилось 4-6 жилых усадеб, составлявших единый квартальный блок. Усадьбы имели небольшие внутренние дворы, вокруг которых располагались жилые, хозяйственные и производственные помещения. Каждая усадьба имела смежную стену с соседней усадьбой, что приводило к различным осложнениям, если один из хозяев начинал перестраивать или даже ремонтировать свой дом. От других кварталов их отделяли неширокие – 3-4 м – улицы, по которым были проложены водостоки, а в период действия водопровода – водоводы.

За 1984-1994 гг. в Северном районе открыто 4 жилых квартала, причем один из них – X "а" – сдвоенный*. Кварталы примыкают к центральной части города, выходя южными сторонами на Главную площадь Херсонеса (рис. 1). Архитектурный облик последней

* Кварталы раскопаны наполовину, т.к. их разделяет на две, примерно равные, части монастырская ограда. Исследовались северные участки кварталов.

составляли 8 христианских храмов. Площадь с ее многочисленными храмами являлась доминантой города. Несомненно, что в кварталах VIII, X и X "а" стремились поселиться богатые, а их усадьбы должны были выделяться как размерами, так и внешним видом, что создавало законченный архитектурный облик центральной части Херсонеса.

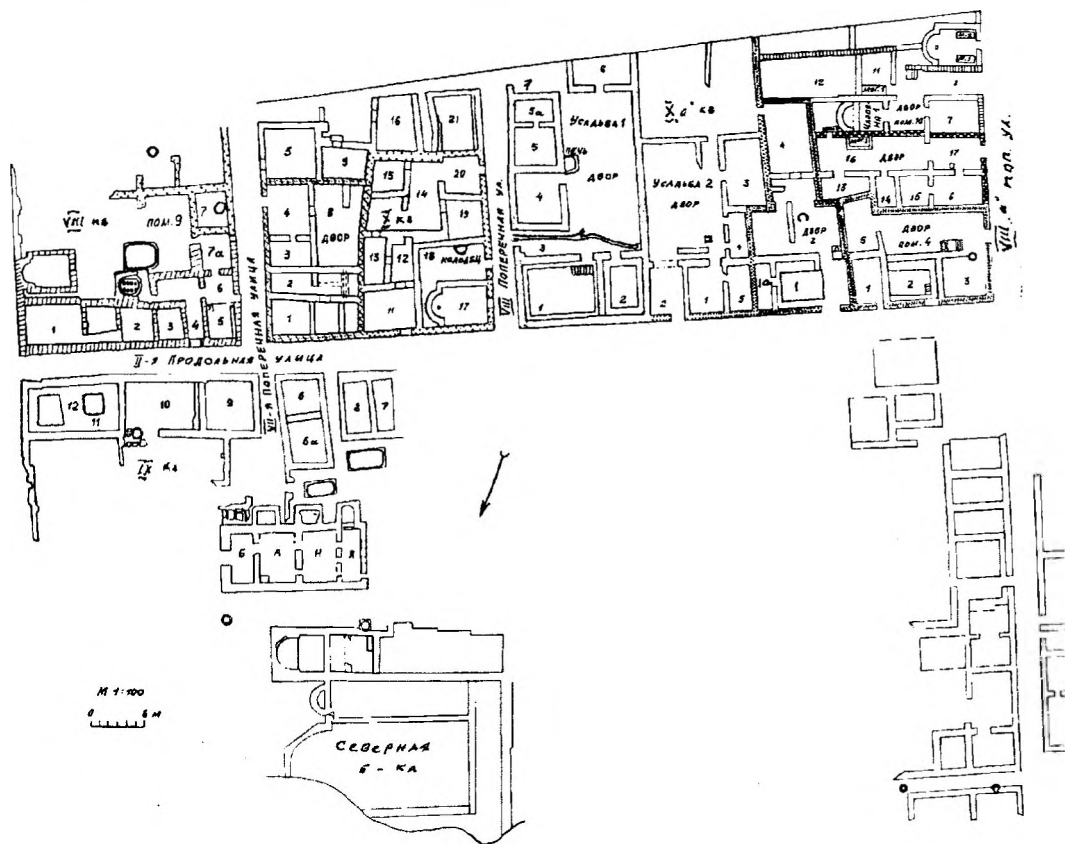

Рис. 1. Общий план участка.

Квартал VIII занимает северо-восточный угол центрального городского района (рис. 1; 2; 2а). С восточной стороны он примыкает к Уваровской базилике, а с южной – к Главной городской площади. С северной стороны к кварталу примыкали еще два средневековых храма – так называемая Северная базилика и Шестистолпный крестовокупольный храм. О планировке самого квартала сказать можно немного, поскольку большая его часть разрушена при строительстве здесь монастырской ограды. От квартала сохранилась полностью одна усадьба и два помещения от другой. Усадьба занимает северную часть квартала. Все ее помещения – их 6 – расположены вдоль улиц (II продольной, VI и VII поперечных). Двор находится внутри квартала. В его восточном углу стоит небольшая часовня, а в западном – крытый навес. В усадьбу входили со стороны II продольной улицы. Стены возведены из бута на грязевом растворе. Для придания им жесткости и устойчивости в них были заложены, как снаружи, так и изнутри, деревянные балки. Сейчас

трудно сказать, сколько было в стене таких поясов, но, исходя из того, что балки располагаются на высоте 1,2-1,3 м от фундамента, можно предположить, что их было не менее трех. После завершения кладки стены штукатурились с обеих сторон. Где и какими были окна, неизвестно, но, скорее всего, они выходили во двор. Одним из доводов в пользу этого предположения может служить то, что наружная стена усадьбы была темной, северной, в то время как окна, выходящие из помещения во двор, смотрели на юг. Такое размещение наиболее разумно и с точки зрения безопасности.

На основании археологических находок, мы попытаемся установить социальную принадлежность хозяина данной усадьбы. Не исключено, что все помещения (№№ 1-4), примыкающие к II продольной улице, связаны с хозяйственной деятельностью. В помещении № 1, к сожалению, слои были уничтожены еще в XIX в., когда строилась монастырская ограда. Найденные в нем фрагменты кровельной черепицы с метками – всадник с копьем – и керамическая плитка с остатками восточной (?) надписи не дают возможности установить его функциональное назначение. Но не исключено, что помещение № 1 было кладовой, т.к. в него ведет выход из подвала, расположенного под полом помещения № 2. Размеры подвала 4,25х3,0х1,2 м, хотя к моменту раскопок из-за перестройки он оказался гораздо меньше – 3,25х3,0х1,2 м. Фрагменты амфор с дуговидными ручками, кухонных горшков, кувшинов и пифосов, найденные в помещении № 2, попали в подвал с верхнего этажа, в то время как на полу подвала не было никаких вещей.

Соседнее помещение № 3, скорее всего, было кладовой. На полу найдено 16 поливных тарелок, 6 поливных красноглиняных и белоглиняных кувшинов с шаровидным туловом, а также грушевидные амфоры с высоко поднятыми над устьем массивными ручками. Кроме них на полу лежали фрагменты плоскодонных амфор с бочковидным гладким или украшенным по плечам волнистой линией туловом; плоские ручки крепятся к узкому невысокому горлу. Как первый, так и второй тип амфор характерен для XIII в. Кроме перечисленной посуды на полу лежали остатки рыболовной сети, горкой 44 бочковидных грузила и обгоревшая веревка. К рыболовным принадлежностям относятся медные иглы для плетения сетей и свинцовые кольца-грузила. Здесь же найдено 79 медных монет. Из них 20 монет восточного происхождения. Часть из монет найдена в соседнем помещении № 4, куда они могли попасть в результате падения западной стены помещения № 3.

Угловое помещение № 5 было жилым. Под ним находился подвал, где стояли два пифоса, амфоры, идентичные ранее описанным, и красноглиняные поливные миски с рисунком птицы-павлина или же геометрическим узором, выполненным толстой врезной линией. Птица стоит на толстых ногах, раскраска которых выполнена коричневой поливой, как и перьев хвоста, которые нарисованы в виде трех S-образных изогнутых лент с завитками на конце. Наряду с коричневой поливой используется полива зеленых тонов. Данный тип поливы (6 группа) датируется XIII в. [15, с. 92; 16, с. 178-187; 17, с. 90-92]. Исходя из состава глины и росписи, мы считаем, что тарелка была местного производства, поскольку такая поливная керамика преобладает в верхних слоях Херсонеса, Эски-Кермена, Тмутаракани и др.

На то, что помещение № 5 было жилым, указывает тот факт, что при раскопках в подвале был найден обгоревший скелет женщины. По тому, как он лежал, не трудно установить, что он попал в подвал с верхнего этажа, после обрушения подвального перекрытия. Рядом с ним найдена низка стеклянных бисерных бус, бронзовый перстень-печатка и 7 монет императора Романа IV.

В соседних двух помещениях (№№ 6 и 7а) найдены каменная ступа, жернова, амфоры

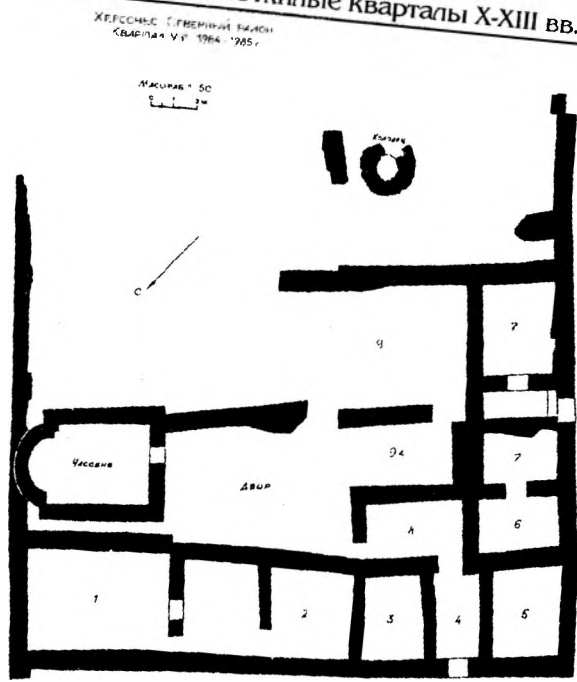

Рис. 2. План VIII квартала.

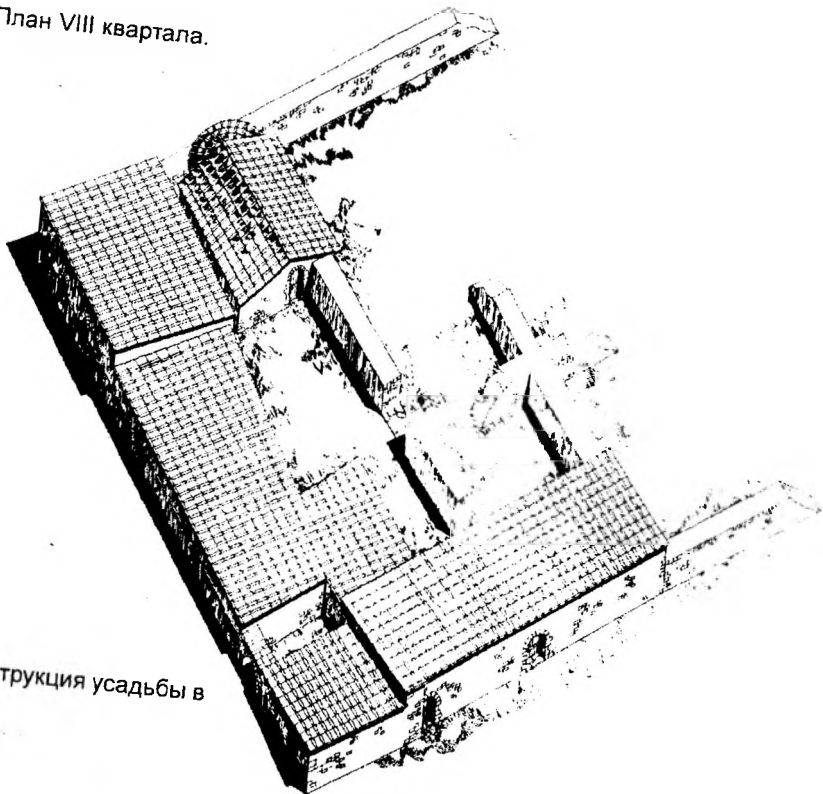

Рис. 2а. Реконструкция усадьбы в VIII квартале.

и пифосы, аналогичные описанным выше, столовая поливная и кухонная посуда [15, с. 178-187], что позволяет нам классифицировать их как хозяйственные помещения для выполнения незначительных производственных функций – размола зерна и изготовления теста. Из теста, возможно, пекли и просфоры, поскольку здесь же найден обломок керамического штампа для них.

К восточной стене этих помещений, со стороны двора, в более позднее время. в результате одной из перестроек, был пристроен крытый навес, через который попадали в коридор, выводящий на II продольную улицу. Очевидно, тогда же была построена в восточном конце двора небольшая домашняя часовня, характерная для архитектуры Херсонеса XI-XIII вв.

Исходя из раскопок участка, можно сказать, что хозяин данной усадьбы занимался мелкой торговлей и не исключено, что в доме одно из помещений (№ 3) было торговой лавкой. Сама же усадьба построена в XIII в. на месте, где раньше размещался гончарный комплекс. От него сохранились остатки трех гончарных печей: одна во дворе усадьбы и две на месте помещения № 1. Не исключено, что сооружение печей связано с каким-то монументальным строительством в этом районе, потребовавшим большого количества кровельной черепицы. Исходя из материала засыпи одной из печей, сохранившейся почти полностью, она прекратила работать в конце XII - начале XIII вв.

Остальные усадьбы, находившиеся в этом квартале, как уже отмечалось ранее, были разрушены в XIX в. в результате хозяйственной деятельности возникшего здесь монастыря. Поэтому пока не ясно, сколько их было в квартале, какова их планировка и чем занимались их хозяева. Такая же ситуация в соседнем X квартале, где открыты две усадьбы (рис. 1; 3; 3а). Первой усадьбе принадлежат помещения №№ 1-8.

Усадьба № 1 расположена в северном углу квартала. Прямоугольный, вытянутый с севера на юг двор (помещение № 8) площадью 85 м² находится внутри застройки. Во двор попадали с VII поперечной улицы, проходя через небольшое помещение, выполнявшее роль коридора. Все помещения усадьбы № 1 расположены с северной и восточной стороны двора. Под полом углового помещения № 1 имелся неглубокий подвал, где стояли три пифоса с плоским дном и шаровидным туловом из светло-красной глины. Вместе с ними в помещении найдены фрагменты поливных мисок и кувшинов с шаровидным туловом, украшенным геометрическим узором и горлом, заканчивающимся квадрифолием (рис. 11). В этом же помещении найдено 21 керамическое грузило от рыболовной сети. К предметам, связанным с рыбной ловлей, относится костяная игла для плетения сетей из соседнего помещения. Эти помещения (№№ 1-3) имели в нижних этажах подвалы. В каждом из них стояли пифосы и грушевидные амфоры с дуговидными ручками, высоко поднятыми над горлом, или же амфоры с плоским дном, гладким бочковидным туловом и плоскими ручками, характерными для XII-XIII вв. Всего в этих помещениях найдено 7 амфор и 4 пифоса, не считая столовую поливную красноглиняную и белоглиняную посуду, относящуюся к XIII в. (миски, тарелки, кувшины).

В комплекс помещений усадьбы, которые связаны между собой коридорами или просто дворами, не вписывается помещение № 5, примыкающее к восточному углу усадьбы. Оно изолировано от остальных помещений и имеет единственный выход – на VII поперечную улицу. Найденные в нем пифосы, амфоры и столовая посуда, да и довольно значительные его размеры по сравнению с остальными помещениями, заставляют нас предположить, что это был склад. Принадлежал ли он хозяину усадьбы, или же его сдавали

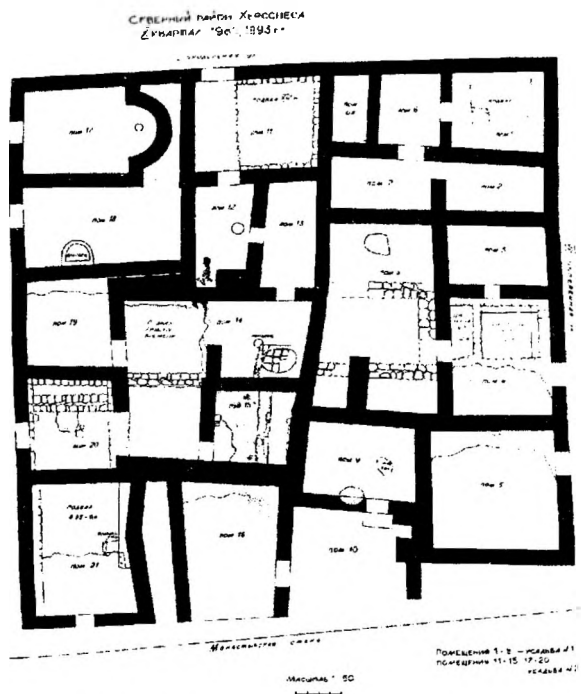

Рис. 3. План X квартала.

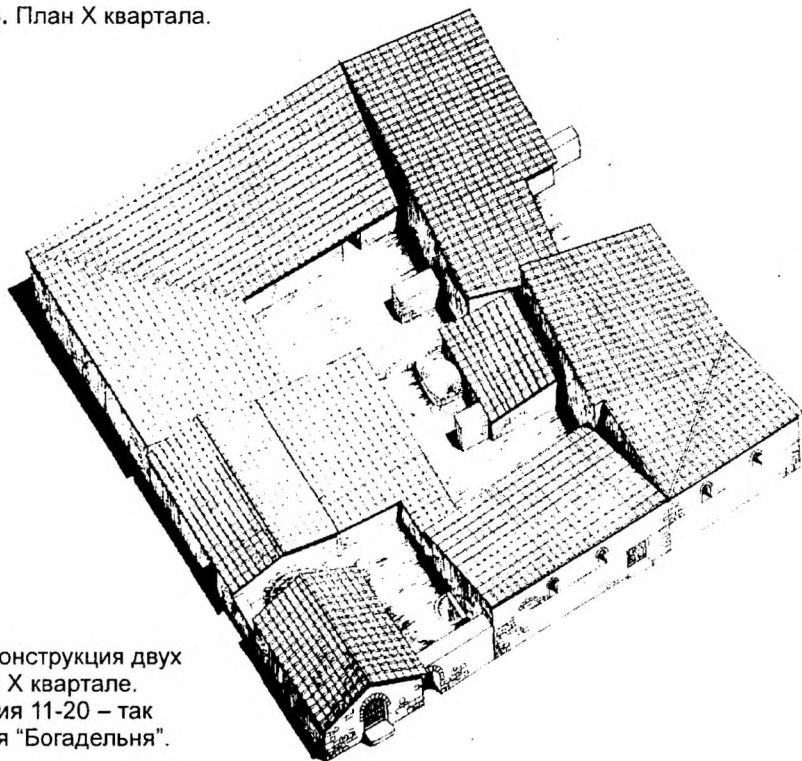

Рис. 3а. Реконструкция двух усадеб в X квартале. Помещения 11-20 — так называемая "Богадельня".

внаем, сейчас трудно установить. Но подобные формы хозяйственной деятельности – сдача внаем – были довольно широко распространены в Византии во все времена [18, с. 638]. Что же касается занятий самого хозяина усадьбы, то нам кажется, они связаны с морем. Возможно, он был рыбаком, занимавшимся и торговлей рыбой.

Рядом с этой усадьбой располагалась еще одна – в западной части квартала. Она состояла из 8 помещений, часовни и двух дворов. Причем один из дворов относится непосредственно к часовне. Во дворе, занимавшем центральную часть усадьбы, находился колодец и печь для выпечки хлеба. Рядом с ней, в помещениях №№ 11 и 12, открыта грушевидная цистерна глубиной 5 м для хранения зерна, а в соседнем с ней помещении № 13 найдено 9 жерновов. Все это указывает на то, что жильцы усадьбы специализировались на выпечке хлеба. Предназначался ли он для внутренних нужд или на продажу, сейчас установить трудно. Но не исключено, что, в основном, хлеб выпекали для себя. К такому выводу мы пришли на основании планировки усадьбы и находок в ней. В частности, при раскопках часовни, в ее могилах найдены скелеты с различными отклонениями от нормы. Здесь как врожденные дефекты, так и приобретенные: сильные искривления позвоночника, у некоторых горб, недоразвитые суставы конечностей, сросшиеся неправильно кости скелета и т.п. К тому же, большинство скелетов принадлежит людям пожилого возраста. Все это позволяет нам определить данную усадьбу как богадельню. Тогда становится понятным, почему в усадьбе два двора, отдельно стоящая часовня и производственный комплекс для выпечки хлеба. Хлеб продавали в лавке, выходящей на II продольную улицу, которая вела к храму – Уваровской базилике. С внутренним двором, где стояла печь, лавка соединена рядом дверей. Имелись ли еще подобные заведения в средневековом Херсонесе, пока не известно, но о том, что они уже существовали в этот период в ряде городов Византийской империи наряду с храмами и монастырями, свидетельствуют различные письменные источники [18, с. 650]. Монастыри возникали в раннее средневековье (V-VII вв.) не только в месте подвижничества отшельника, но и в городах, где роль монашества, как и вообще духовенства, была довольно значительна. В доказательство существования монастырей в Херсонесе следует упомянуть небольшой монастырь с часовней на островке в б. Казачьей, исследованный А.Л.Бертье-Делагардом [3, с. 58-63; 19, с. 105-114; 20, с. 115-124; 21; 22, с. 19,41], и, возможно, в комплексе так называемой Западной базилики, хотя о последнем мы располагаем пока недостаточными сведениями.

Рядом с богадельней, в соседнем квартале X "а", размещалась самая большая из средневековых усадеб, исследованных к настоящему времени в Херсонесе. Поражает, прежде всего, величина двора – около 112 м², тогда как в остальных усадьбах он в 2-3 раза меньших размеров. Вход в усадьбу находится напротив часовни богадельни. Он также шире, чем вход во двор богадельни. Чтобы попасть внутрь двора, необходимо пройти узкий (1,7 м) и довольно длинный (9,7 м) коридор, который, скорее всего, был крытым. Вся площадь двора вымощена плоскими известняковыми плитами различных размеров и форм (рис. 1; 4; 4а).

Все помещения усадьбы размещены с трех сторон: северной, восточной и южной. Но это не означает, что усадьба не была отделена от соседней, как раз наоборот: именно здесь и проходила глухая стена, разделявшая дворы соседних усадеб. Она была невысокой, чтобы не затенять двор как единственный световой колодец, через который освещались все помещения усадьбы. С восточной стороны двора, вдоль помещений, имелась крытая галерея, приблизительно посередине которой была устроена печь для приготовления пищи. Колодца во дворе не было, что кажется довольно странным, если

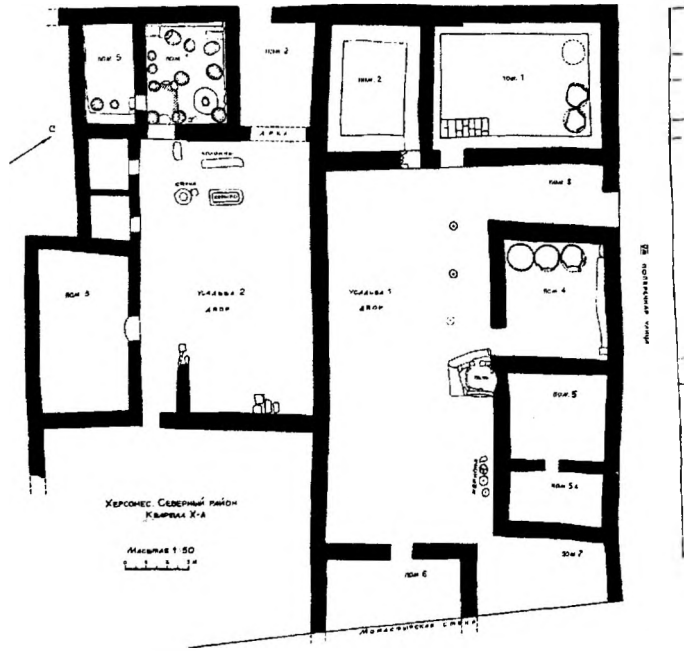

Рис. 4. План двух усадеб в X "а" квартале.

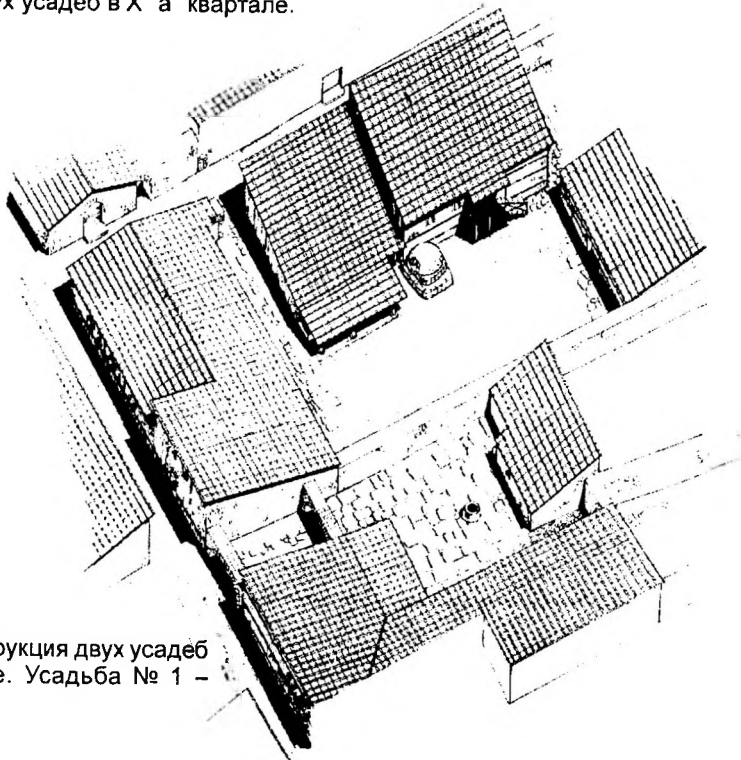

Рис. 4а. Реконструкция двух усадеб в X "а" квартале. Усадьба № 1 – постоянный двор.

учесть назначение усадьбы. Об этом будет сказано дальше. Воду брали или во дворе усадьбы богадельни, или же во дворе соседней усадьбы, расположенной с западной стороны от описываемой. Не исключено, что эти две усадьбы составляли единый комплекс.

Все помещения усадьбы № 1 имеют большие размеры. В них ведут широкие двери, что удобно при складировании товара во время его погрузки. В двух помещениях (№№ 1-2) находились подвалы. Причем один из них, под полом помещения № 1, имеет площадь в 36 м². Само же помещение, судя по находкам в нем, служило торговой лавкой, а расположенное рядом с ним – кладовой. Аналогичную роль выполняли помещения, находившиеся вдоль восточной стороны двора. Торговые функции помещения подтверждаются находками, обнаруженными на полах и в засыпи помещений. В подвале стояло 3 пифоса, около 25 амфор и большое количество разнообразной поливной столовой и кухонной посуды XIII в. Кроме этого, был найден безмен, чашечки от весов и два бронзовых набора разновесов, по 235 г и 194 г в каждом. Среди находок в завале, образовавшемся в результате падения потолка подвала, и на полу подвала поражает огромное количество стеклянных сосудов. Без сомнения, их привозили для продажи; не исключено, что все они были наполнены. Кроме обычного набора вещей, которыми торговала почти каждая средневековая лавка, в раскопанной нами продавали, по-видимому, книги, от которых сохранились бронзовые накладки в форме сердечек и 14-лепестковой розетки и застёжки-кинжальчики (рис. 12).

Среди вещей, найденных в лавке и в соседнем помещении-кладовой (помещения №№ 1, 3), некоторые, несомненно, привозные. К ним относится бронзовая ступка, украшенная гравировкой, рельефными ромбами и стилизованными головами льва, что характерно для восточных бронзовых изделий XII в., изготовлявшихся на территории Трапезунда [23, с. 252], откуда, очевидно, попал в Херсонес и бронзовый светильник-трипод с дном-подставкой в виде фигурного многолистника, украшенного гравировкой и арабской надписью [24, с. 173-177].

Поливная посуда, найденная в этих кварталах, заслуживает отдельной работы, но все же для полноты представления о предметах торговли в Херсонесе в XIII в. следует отметить несколько типов керамики. Несомненно, большой интерес представляют 4 красноглиняных блюда диаметром до 35 см, на высокой кольцевой ножке. Они покрыты светло-оливковой поливой с росписью, выполненной тонкой врезной линией. Рисунок, как правило, монохромный, лишь слегка расцвечен по контуру марганцевыми пятнами. Сюжетом росписи является воин, раздирающий пасть льва; пеший воин в латах, с мечом и щитом; св. Георгий (пеший), поражающий копьём змия; лев, терзающий дракона (рис. 6). В первом случае мы видим, скорее всего, эпического героя-богатыря, Дигениса Акрита. Он был особенно популярен в Византии XII в., а одним из его подвигов была борьба со львом и драконом [25, с. 44; 15, с. 126]. Не исключено, что и на блюде со стоящим воином в доспехах также изображен Дигенис Акрит, который близок ремесленной среде, как и св. Георгий, являлся защитником простого народа. Блюда со св. Георгием уже находились при раскопках Херсонеса [26, с. 79], но на них был изображен конный воин. На описываемом блюде из помещения № 1 (X "а" квартал) мы видим пешего святого Георгия, поражающего копьём змия, извивающегося кольцами вокруг воина. Св. Георгий одет в доспехи, на ногах поножи, в левой руке миндалевидный щит, характерный для византийской армии XIII в. На последнем из найденных блюд дана сцена терзания дракона львом – сюжет, довольно часто встречающийся на протяжении всего средневековья, начиная с сасанидского времени, в ближневосточном регионе, откуда, скорее всего, поступали в Херсонес описанные выше блюда [15, с. 126].

С территории Малой Азии была привезена в Херсонес небольшая белоглиняная

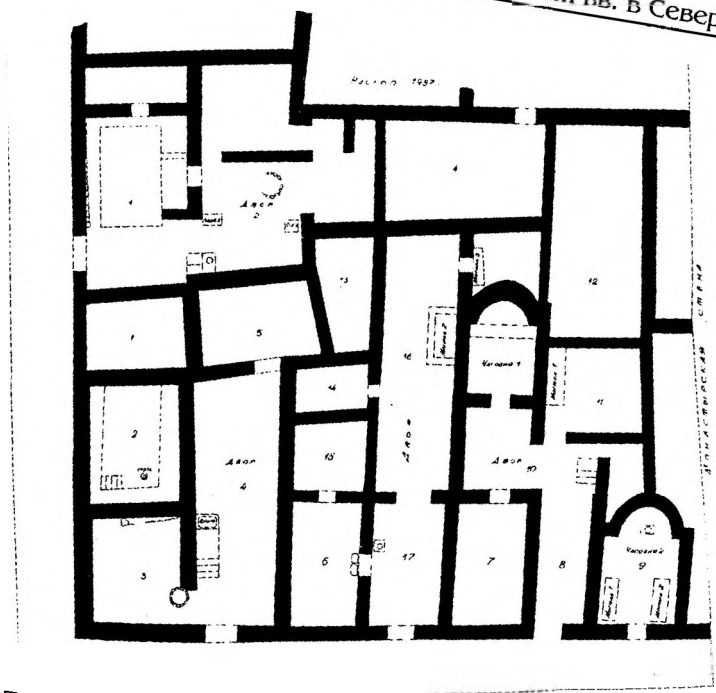

Рис. 5. План X "а" квартала.

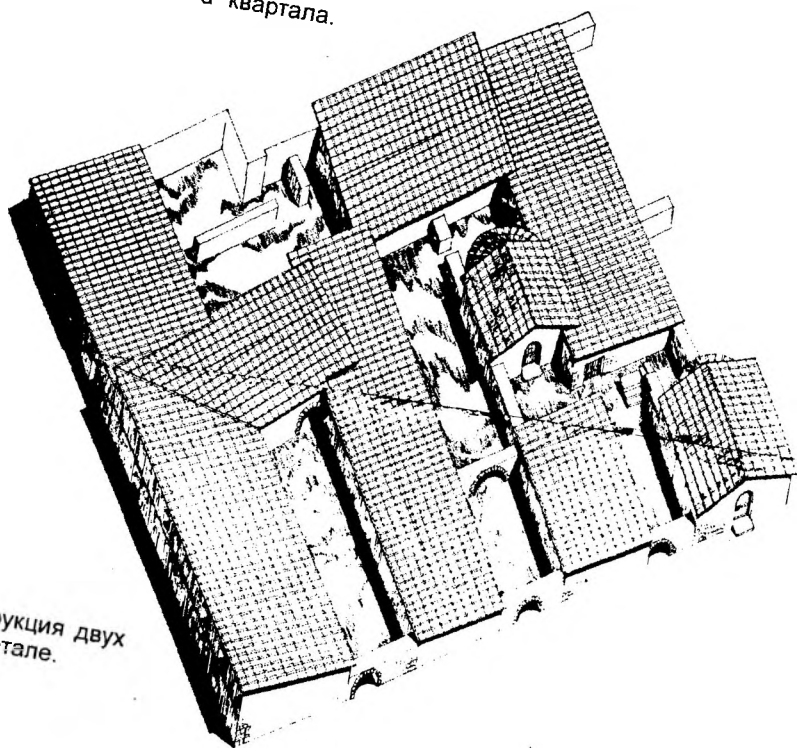

Рис. 5а. Реконструкция двух усадеб в X "а" квартале.

1/2 10*

миска (помещение 2, квартал X "а"), покрытая поливой светло-бирюзового цвета. Центр миски занимает рисунок сидящего по-восточному мужчины, одетого в богато расшитый халат и широкие шаровары. С правой стороны от него изображены гранатовый куст с плодами и два идущих небольших зверя (лиса?, собака?). В правой руке мужчина держит ловчую сеть, из которой вылетает сокол, что дает нам возможность трактовать рисунок как сцену соколиной охоты с изображением сокольника. Рисунок выполнен черной краской, тонкими линиями. Исходя из восточного типа лица, позы сидящего, состава глины и поливы, несомненно, мы имеем дело с керамикой ближневосточного производства. Данный тип посуды близок строительной сельджукской керамике, в частности, изразцам, найденным на месте султанских дворцов в Конье (дворец Кылыч-Арслана IV – 1246-64 гг.), в Кубадабаде, Аспендосе и Аланье [27, с. 12-13]. В стилистическом и техническом исполнении наша миска близка изделиям Рея и Касиона, на которых сцены охоты были преобладающими и излюбленными среди гончаров XIII в.

Что же касается более простой поливной керамики, то она представлена, в основном, мисками, кувшинами, тарелками, чашками с рисунком, выполненным толстой врезной линией (рис. 7-11). Вместе с красноглиняной поливной керамикой в усадьбах найдены белоглиняные блюда с полихромной росписью, выполненной кистью марганцевыми красками, с зеленой расцветкой. На посуде изображены или птицы, или звери.

Посуда, найденная в помещениях №№ 1, 3, идентична посуде из других помещений усадьбы № 1. Эти помещения (№№ 4-7) были кладовыми. На это указывают их размеры, широкие дверные проемы и набор вещей, найденных в них. Так, в помещении № 4 вдоль северной стены стояли три больших толстостенных пифоса, аналогичные пифосам из подвала помещения № 1. Еще один пифос из темно-коричневой глины, с остатками рыбы, находился в восточном углу помещения. Рядом с пифосами стояли амфоры с плоским дном и плоскими ручками, или же амфоры с шаровидным туловом и массивными ручками, высоко поднятыми над горлом (рис. 11).

Жилые комнаты в усадьбе, по-видимому, находились на втором этаже, над помещениями №№ 4, 5, 5 "А", поскольку у двух последних на первом этаже нет дверей, через которые можно было бы попасть во двор. Очевидно, в них попадали по лестнице, пристроенной к стене помещения со стороны двора, или же по лестнице, размещенной внутри помещения № 4.

Размеры усадьбы, обширный двор, наличие большого количества складских помещений дают нам основание сделать вывод, что усадьба выполняла не только торговые функции, но являлась своего рода постоянным двором для торговцев, приезжавших в Херсонес. Для их размещения имелись склады, жилые комнаты, навес для животных (помещение № 7) и другие условия, необходимые в подобных заведениях. Усадьба погибла от пожара, во время нападения неприятеля на город. На это указывают слои горения и вещи, разбросанные во дворе, в коридоре, когда их в спешке выносили из помещений, теряя по дороге, а также скелет ребенка 5-7 лет, спрятавшегося в помещении № 4 за одним из пифосов. Очевидно, тогда же был потерян на ступеньках входа в лавку массивный золотой перстень. Не исключено, что его спрятал под одной из ступенек владелец, надеясь когда-нибудь вернуться за ним. Но эта возможность у него никогда уже не появилась.

Соседняя усадьба № 2, расположенная с западной стороны от постоянного двора, отделялась от него невысокой каменной стеной, к которой примыкал небольшой, почти квадратный в плане (12x8 м) двор, выложенный плоскими плитами.

В отличие от усадьбы № 1, все помещения второй усадьбы находятся с северной и западной стороны. При такой планировке, когда оба двора соприкасались друг с

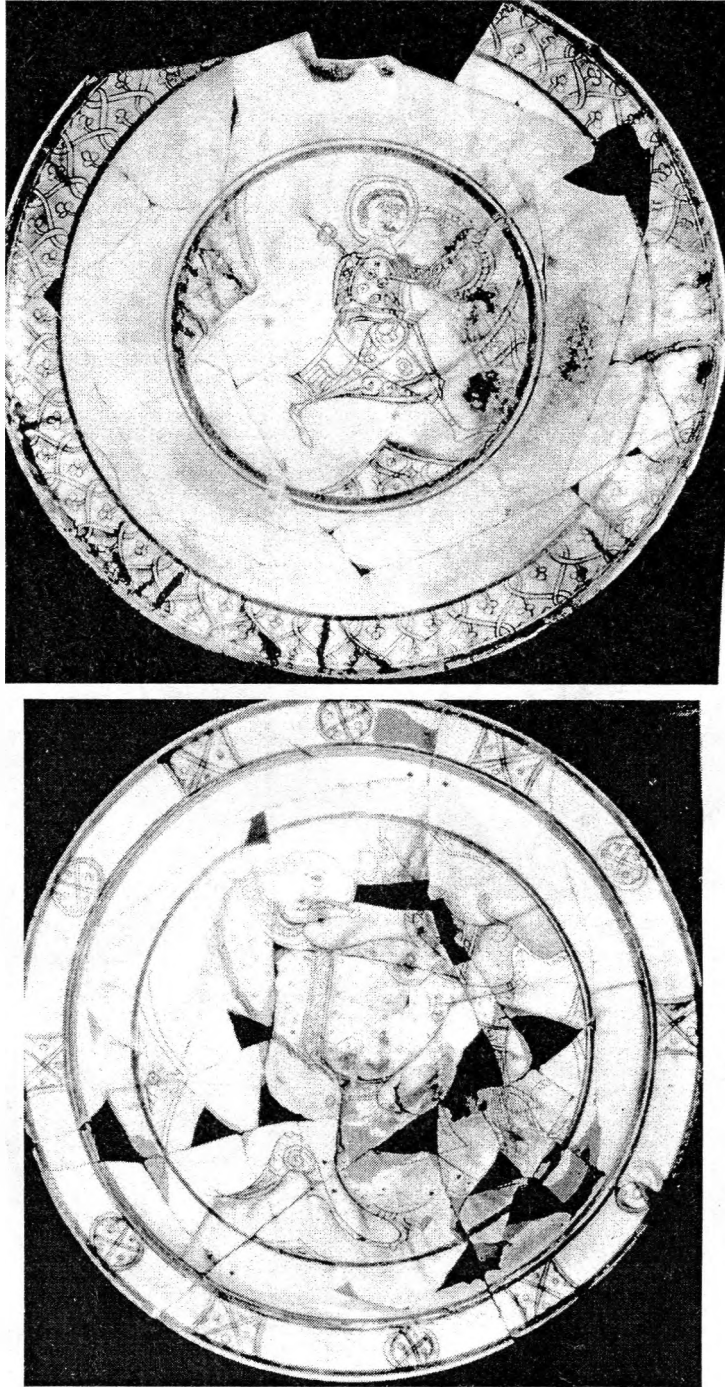

Рис. 6. Квартал VIII. Блюда XI-XII вв.

Рис. 7. Квартал VIII. Посуда XIII в., поливная и простая.

Рис. 8. Квартал VIII. Поливная посуда XIII в.

другом, их общая площадь была гораздо большей, что давало возможность лучше освоить внутреннее пространство обеих усадеб. Не исключено, что к этим дворам примыкали дворы усадеб, расположенных к югу, т.е. за монастырской оградой. размещая их таким образом, строители создавали внутри квартала как бы небольшую площадь, игравшую роль светового окна для всех усадеб.

Въезд во двор усадьбы № 2 оформляла арка, утопленная внутрь усадьбы, что давало возможность разместить перед ней небольшое крытое помещение. Оно, по-видимому, предназначалось для стоянки небольшой повозки. Перед входом в усадьбу находилась небольшая площадь, что позволяло повозке делать поворот, прежде чем въехать во двор. В более позднее время широкий проем заложили, оставив только дверь.

Хлев для скота (ослика), скорее всего, находился в помещении № 4, имевшем два входа. Внутри оно было разделено тонкой перегородкой, не исключено, что просто жердями, на две половины. Одна из них предназначалась для взрослых животных, а другая для молодняка. Перед этим помещением, во дворе, стояло каменное корыто-поилка и кормушка. Сено для скота лежало в восточном углу двора, под навесом, от которого сохранилась небольшая бутовая стенка, служившая опорой для крыши.

О социальной принадлежности и занятиях владельца усадьбы судить довольно трудно, т.к. никаких характерных особенностей, позволявших их выявить, при раскопках не нашли. Два помещения – №№ 1 и 5 – служили кладовыми. В первом на полу стояло 7 тонкостенных пифосов из темно-коричневой глины, 4 плоскодонные амфоры, характерные для XIII в. и 2 бронзовые гири-разновесы от набора. Подобный керамический материал имелся в подвале соседнего помещения. Не исключено, что хозяином усадьбы был небогатый землевладелец, имевший надел где-то за пределами города, для поездки на который ему необходимо было иметь тележку и осла.

Соседняя усадьба № 3 расположена в центральной части квартала и имеет необычную планировку (рис. 1; 5; 5а). Все ее помещения и двор находятся на одной осевой линии, идущей от II продольной улицы вглубь квартала. Такую планировку усадьба получила потому, что она возникла в результате ликвидации поперечной улицы и объединения двух кварталов. Аналогичный прием расширения жилой площади за счет улицы мы видим в III квартале северо-восточного района Херсонеса [28, с. 75]. Со II продольной улицы через узкий коридор проходили во внутренний небольшой (около 37 м?) двор усадьбы, с восточной и южной стороны которого размещались 4 помещения. Одно из помещений было устроено на месте раннесредневековой (судя по материалу VI в.) цистерны. Причем хозяин средневековой усадьбы частично использовал ее под подвал, который находился под полом помещения. Для этого засыпанную ранее цистерну он вычистил на глубину 2,5 м.

На полу подвала найдены фрагменты от толстостенного пифоса и две разбитые амфоры с плоским дном и дуговидными ручками, поднятыми над невысоким горлом. Их часто находят в слоях XII-XIII в. в восточной Таврике, Подонье, Киеве, Болгарии и др. [15, с. 113]. В амфорах и пифосе, очевидно, хранили рыбу, т.к. их обломки лежали в слое перегнившей рыбы.

В соседнем помещении, расположенном с восточной стороны от описываемого, найдены фрагменты от 12 поливных кувшинов, расписанных геометрическим узором, выполненным толстой врезной линией. Среди них преобладают красноглиняные кувшины – их 10. Из керамического материала помещения № 1 "А" следует отметить обломки поливного сосуда, назначение которого не ясно. Аналогичный сосуд был раскопан в 1987 г. в этом же квартале, в усадьбе № 2, и охарактеризован как "термос" [29, с. 30-31].

Вместе с керамикой в данном помещении найдены в большом количестве предметы религиозного культа. Особо следует отметить рельефный крест-энколпион русского

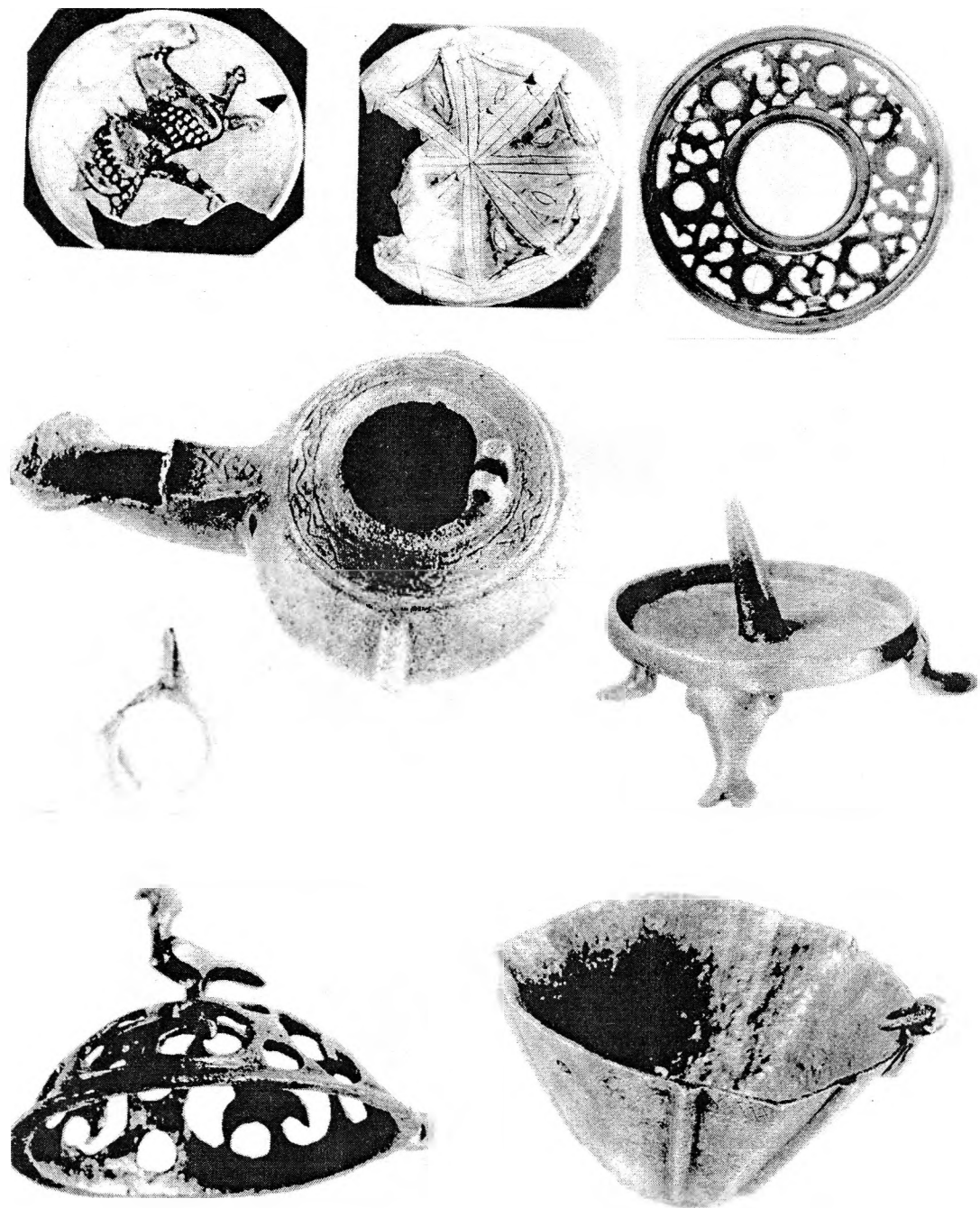

Рис. 9. 1-3 – Квартал X. Поливная посуда, ламподофор. 4-7 – Квартал X “а”. Изделия из бронзы: светильник, подсвечник, кадило.

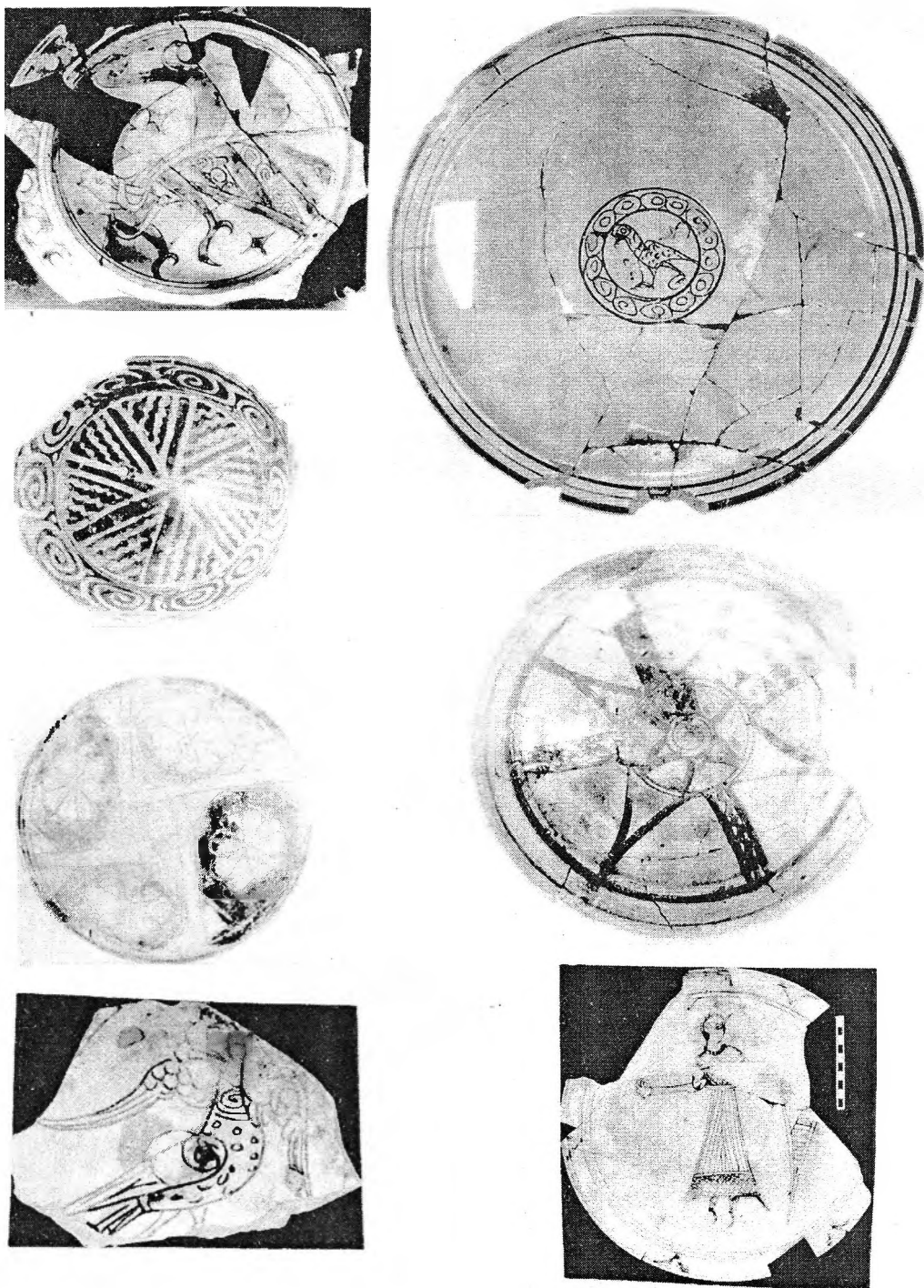

Рис. 10. Поливная посуда. 1-3 – Квартал VIII; 4-7 – Квартал X "а".

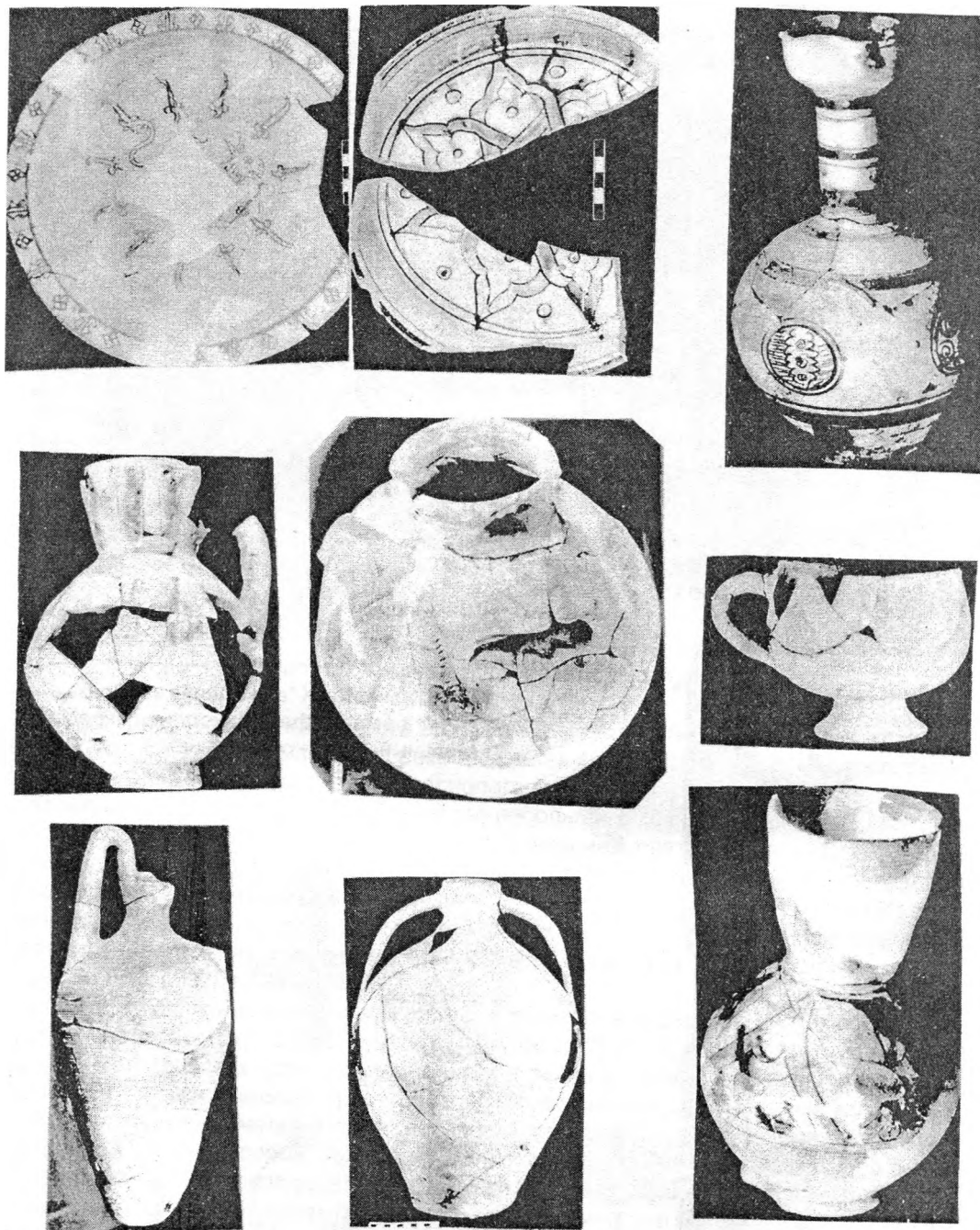

Рис. 11. Квартал X "а". Поливная и тарная посуда.

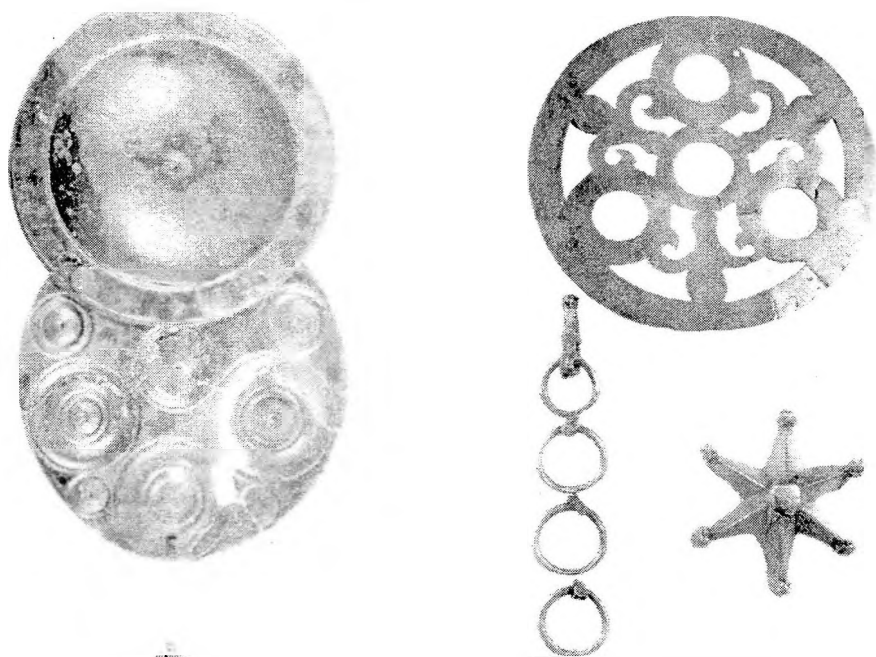
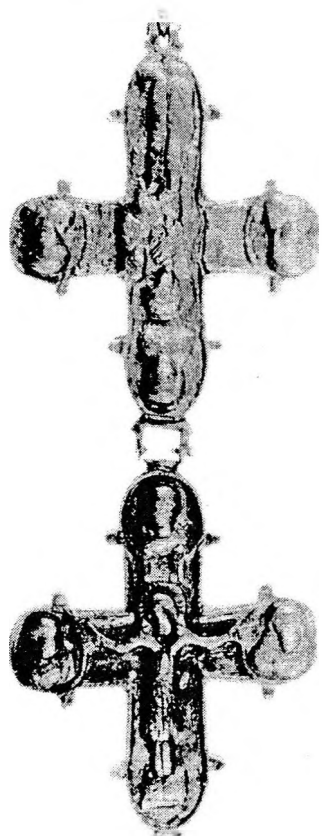

Рис. 12. Квартал X "а". Изделия из бронзы: кацея, ламподофор, энколпион, крест нательный, застежки для книг.

типа, относящийся ко второй четверти XII в. [30, с. 133, табл. III,2]. На лицевой стороне креста – распятый Христос, а на ветвях изображены евангелисты. На другой створке дана Богоматерь в полный рост, а на ветвях креста погрудные изображения святых, определить которых из-за сильной затертости рельефа не удалось (рис. 12).

Рис. 13. Квартал X. Хозяйственная печь во дворе богадельни.

Другой крест – выносной, высота его 33 см. Нижняя ветвь креста имеет штырь, с помощью которого он крепился на древке. Все ветви креста разъемные, они крепились, скорее всего, в деревянный “умбон”, располагавшийся в центре креста.

Кроме крестов в помещении найдены две небольшие иконки. Одна из них – костяная иконка-образок прямоугольной формы с изображением святого, держащего в левой руке книгу, на которую он указывает двоеперстием правой руки. Другая – бронзовая иконка-подвеска с гравированным изображением святого. Иконки-подвески прямоугольной формы с полукруглым верхом не были нагрудными, а прибивались к деревянным доскам. Об этом говорят отверстия по краям икон. В Новгороде их находят в слоях 70-80-х гг. XII в. [31, с. 62].

Следует выделить из найденных культовых предметов бронзовый диптих со следами позолоты, размером 26x15 см [32, с. 161-167]. Диптих состоит из двух створок с рельефным изображением “райских врат”, выполненным в технике чеканки. Центральную часть внешней (?) створки занимает крест, расположенный между двумя витыми колоннами. Они стоят на трехступенчатых базах и увенчаны фигурными стилизованными капителями, соединенными между собой “аркой” из мелкого и крупного жемчужника. Под аркой изображена 14-лепестковая розетка. Поверхность креста украшена высоким рельефом, имитирующим драгоценные камни овальной, полусферической и квадратной формы. Под крестом изображены священные реки в виде волнистой линии и 5 каплевидных рельефов, также имитирующих драгоценные камни. Диптих предназначался для хранения поминальных списков. Судя по технике его изготовления, он датируется XI в., хотя и найден

в слое вместе с вещами, относящимися к XIII в.

Рядом с помещением во дворе были найдены две тонкостенные бронзовые чаши, украшенные восточным орнаментом, чередующимся с арабской надписью. Их следует отнести к парадной посуде, или же посуде, употребляемой во время богослужения.

На основе материала, найденного в усадьбе № 3, можно предположить, что в ней жил священник одного из храмов, расположенных по соседству на Главной площади города, или в прибрежной части Херсонеса.

Западную часть квартала занимают две (№№ 4 и 5) усадьбы, с узкими прямоугольными дворами. В восточном углу двора усадьбы № 5 находится часовня, которую построили, переделав одно из помещений.

Усадьба № 4 была двухэтажной. От первого этажа сохранилось 5 помещений, расположенных с северной и восточной стороны узкого двора. К его южной стене примыкают четыре помещения соседней усадьбы, которая имеет двор, аналогичный двору усадьбы № 4. Эти две усадьбы, по-видимому, были когда-то одной, а затем ее разделили на две, заложив двери со стороны усадьбы № 4 и изменив планировку некоторых помещений (рис. 1; 5; 5а).

Археологический материал обеих усадеб состоит из поливной столовой посуды, амфор и пифосов тех же типов, что были найдены в описанных выше усадьбах, и не выходит за пределы XIII в.

Усадьбы, как и весь район, погибли от пожара – его следы прослеживаются на всей территории района. Не исключено, что он был результатом какого-то военного нашествия, т.к. в некоторых помещениях найдены скелеты людей. Не противоречат данному выводу и обгоревшие скелеты в могилах-костницах в обеих часовнях. На то, что их помещали в могилы уже после пожара, указывают плиты перекрытия могил: они лежали выше пола на 25-40 см, не опираясь на заплечики могил. Вероятно, погибших снесли к “святым” местам уже после гибели домов и часовен, поскольку для погибших устроили могилы рядом с часовнями, в слое разрушения. Раскопками установлено, что пожар начался с восточного конца квартала, т.е. от Уваровской базилики, а затем распространился дальше, к западу. На это указывает то, что в усадьбах восточного конца почти все вещи остались внутри помещений, в то время как ближе к западу некоторые из них успели вынести. При этом их часто роняли во дворах и на улицах, где они были найдены во время раскопок.

Отсутствие на всей территории Северного района Херсонеса монет Джучидов (которые находят в верхних слоях Портового района) не позволяет нам связать возникший пожар с нашествием на город татар в 1299 г. Пожар произошел гораздо раньше – в начале третьей четверти XIII в., поэтому к моменту появления в городе орд Едигея данный район уже был необитаем, т.к. после пожара, описанного выше, усадьбы уже никогда не восстанавливались. Раскопками последних лет в Северном и Портовом районе выявлено, что этот пожар, по сути, поставил точку в жизни Херсонеса. Как крупный город он перестал существовать. На его месте, да и то только в Портовом районе, продолжало существовать в XIV-XV вв. небольшое поселение, носящее имя некогда богатого и сильного города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Развалины храмов. Вып. 1. М., 1905.
2. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. СПб., 1907. Вып.21.
3. Бертъе-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. Вып.12.
4. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63.

5. Лосицкий Ю.Г. К вопросу типологической эволюции монументальной архитектуры средневекового Крыма // *Археология*. 1990. №2.
6. Лосицкий Ю.Г. Византийские базилики Херсонеса // *Археология*. 1991. №2.
7. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-33 гг. // *МИА*. 1941. Вып. 4.
8. Якобсон А.Л. Жилые кварталы. Средневековый Херсонес XII-XIII вв. // *МИА*. 1950. Вып. 17.
9. Даниленко В.Н. Жилые дома Херсонеса // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев, 1988.
10. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв. Красноярск, 1986.
11. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г. // *МИА*. 1953. Вып. 34.
12. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII. Раскопки 1940 г. // *МИА*. 1953. Вып. 34.
13. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII. Раскопки 1941, 1947-48 гг. // *МИА*. 1953. Вып. 34.
14. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического // *ХСб*. 1930. Вып. 3.
15. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М., 1979.
16. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // *МИА*. 1950. Вып. 17.
17. Макарова Т.И. Поливная керамика Таманского городища // *Керамика и стекло Древней Тмутаракани*. М., 1963.
18. Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // *Культура Византии*. М., 1984.
19. Маркевич А. Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента, папы Римского // *ИТУАК*. 1909. Вып. 43.
20. Спиридонова Д.С. К вопросу о мучении св. Климента, папы Римского // *ИТУАК*. 1909. Вып. 43.
21. Франко І. Святий Климент у Корсуні // *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. Львів, 1903. Т. VI.
22. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV вв. // *Византия. Средиземноморье. Славянский мир*. М., 1991.
23. Пучаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
24. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Бхаристана. М., 1985.
25. Сыркин А.Я. Дигенис Акрит. М., 1960.
26. Даниленко В.Н. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического 1958-1964 гг. // *Ученые записки Пермского гос. ун-та*. Пермь, 1966. №143.
27. Миллер Ю.А. Керамика Турции. М., 1972.
28. Гриневич К.Э. Третий квартал Северо-восточной части Херсонеса, раскопанный Р.Х. Лепером // *ХСб*. 1930.
29. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в 1987 г. // *Архив НЗХТ*. Д. 2771.
30. Корзухина Г.Ф. О памятниках "корсунского дела" на Руси // *ВВ*. 1958. Т. XIV.
31. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.
32. Пуцко В.Г., Рыжов С.Г. О двух находках произведений византийской пластики в Херсонесе // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь, 1995.

RUZHOV S. G.

MEDIEVAL RESIDENTIAL BLOCKS OF THE 10TH –13TH CENTURIES IN THE NORTH DISTRICT OF CHERSONESOS

Summary

This article is devoted to the scarcely studied problem - medieval estates of the 10th – 13th centuries in the North (Severn) District in Chersonesos. Employing a new method of carrying out excavation (the research was carried out on a wide area in one level, i.e. on the level of the floors of the period of destruction of dwelling houses) and with the help of the obtained materials the author managed to date the destruction of dwelling places. Besides, the outlines of the estates and their quantity are defined; an attempt to reveal social belonging of each of them is undertaken.